

отъ Нижняго), приводитъ много статистическихъ данныхъ, и напр. цѣлыя таблицы цифръ о ходѣ торговли, о грузовомъ движеніи, городскомъ хозяйствѣ и т. п., трактуетъ о мѣстныхъ вопросахъ Нижняго, Казани, Самары и ихъ общественной жизни, подробно говорить о нижегородской ярмаркѣ, и т. д. Эти свѣденія, конечно, не лишены интереса, хотя мы думаемъ, подробныя статистическія таблицы едва ли умѣстны въ путеводителѣ: онѣ были бы на мѣстѣ развѣ въ специальномъ сочиненіи. Но, къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ, на собираніе котораго авторъ потратилъ, вѣроятно, не мало труда, расположенъ весьма неравномѣрно, и кромѣ того является въ чрезвычайно странномъ изложеніи, какъ дальше увидимъ. Начать съ того, что историческія свѣденія, разъ уже приведенныя въ первомъ отдѣлѣ, частію повторяются еще разъ и во второмъ—въ описаніяхъ Нижняго-Новгорода и Казани. Авторъ опять очень суровъ къ врагамъ древней Россіи: татары, нападавшіе на русскихъ, именуются „лиходѣями“; авторъ винитъ ихъ въ „злодѣйствѣ“, когда они въ XVI-мъ столѣтіи перерѣзали на ярмаркѣ русскихъ купцовъ, но опять тутъ же оказывается, что татарскіе купцы не рѣшались ѣздить на русскую ярмарку, „опасаясь русскихъ, которые въ то время не признавали національности (?) и собственности имущества и не считали грѣхомъ пограбить, побить и даже *убить чужеземнаго купца*“ (отд. 2, стр. 46),—т.-е. совершать такое же злодѣйство? Въ потокѣ историческаго краснорѣчія авторъ не замѣчаетъ иногда въ своемъ изложеніи нѣкотораго недостатка смысла. Напримѣръ, онъ рассказываетъ о городѣ Козьмодемьянскѣ, что во время разбоевъ Стеньки Разина жители его пристали къ мятежнымъ пайкамъ, „но впослѣдствіи Козьмодемьянцы загладили *свою вину* энергическими дѣйствіями противъ Пугачева“. Читатель въ недоумѣніи: вѣдь Пугачевъ былъ сто лѣтъ спустя послѣ Разина и, надо думать, что въ то время были уже совсѣмъ другіе козьмодемьянцы, чѣмъ во времена Разина, и сомнительно, чтобы кто-нибудь считалъ за ними вину, совершенную сто лѣтъ до нихъ. Читатель недоумѣваетъ также относительно ихъ „энергическихъ дѣйствій“, такъ какъ авторъ тутъ же говоритъ, что „Пугачевъ *не счелъ нужнымъ нападать на нихъ* и, обойдя Козьмодемьянскъ, направился съ лугового берега на Ядринъ“ (отд. 2, стр. 87). Не будемъ останавливаться на другихъ примѣрахъ того же рода. Во второмъ отдѣлѣ, какъ мы сказали, авторъ еще разъ обращается къ исторіи, напр. счелъ нужнымъ повторить по Карамзину рассказъ о взятіи Казани Иваномъ Грознымъ, извѣстный большинству читателей еще изъ дѣтскихъ книгъ; памятникъ Державина побуждаетъ его къ біографическимъ воспоминаніямъ о пѣвцѣ Фелицы, столь же мало необходимымъ въ путеводителѣ, и т. п.